

КЭТИ М. ДИ

В ОБЪЯТИЯХ НАВИ: СЕРДЦЕ ВОДЯНОГО

Кэти Ди

В объятиях Нави.

Сердце Водяного

<https://litres.ru/74259307>

SelfPub; 2026

Аннотация

Володар — великий и грозный Хозяин Черного омута. Его сердце с самого рождения было холодным, как придонный январский лед, а его подводная обитель подчинялась только железному контролю, строгости и беспрекословному повиновению нечисти. Он никогда не знал жалости, не ведал сочувствия и уж тем более не собирался меняться.

Пока прямо ему на голову, пробив водяной купол тронного зала, с диким визгом не свалилась Марина.

Обычная, живая девчонка из мира Яви перевернула всю его размеренную жизнь вверх дном, а в проклятом, веками замерзшем сердце за один день зажгла пугающее человеческое тепло. Коварная навья княжна обманом забрала её судьбу, заперев невинную душу на самом дне Нави.

И теперь Володару, который поначалу искренне хотел придушить наглую чужачку за испорченный парадный кафтан, придется разбираться с последствиями чужого колдовства.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	4
Закон равновесия	4
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	48
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Кэти Ди **В объятиях Нави.** **Сердце Водяного**

ВСТУПЛЕНИЕ

Закон равновесия

Мир Яви пах нагретым солнцем сосновым бором, спелой черникой и речной прохладой. Двадцатилетняя Марина стояла на самом краю старых, опасно поскрипывающих деревянных мостков, раскинувшихся над гладью лесного озера. Вода внизу казалась темным стеклом. Марина просто хотела сделать красивую фотографию заката, но замшелая, скользкая доска под кроссовком предательски треснула. Короткий испуганный вдох, взмах рук — и девушка с глухим всплеском рухнула в ледяную озерную глубину. Вода тут же сомкнулась над её головой, утягивая в бездонную темноту.

В то же самое мгновение мир Нави содрогался от безмолвного крика.

Здесь, в гиблом Черном болоте, где туман висел тяжелыми серыми саванами, тонула навья княжна Мирослава. Её

наказали древние боги за темное, запретное колдовство, и трясина, чавкая, неумолимо засасывала её по самую грудь. Из последних сил Мирослава цеплялась за склизкие коряги, её бледное лицо исказила ярость. Умирать гордая навка не собиралась.

— Не бывать этому! — прохрипела она, вскидывая тонкие руки к грозовому небу Нави. — Кровь за кровь, дыхание за дыхание! Меню судьбу тонущей на долю живущей! Пусть чужая жизнь искупит мою смерть!

Мирослава выкрикнула слова древнего, проклятого заклятия обмена судеб. Она почувствовала, как её магия, зацепив случайную живую душу в параллельном мире Яви, сорвалась с цепи.

Пространство между мирами затрещало. Вспыхнули ослепительные, ядовито-зеленые и серебряные магические сполохи. Два мира на секунду соприкоснулись своими изнанками, меняя девушек местами.

Мирослава зажмурилась, готовая вынырнуть на теплый воздух Яви в новом, молодом человеческом теле. И она действительно вынырнула — прямо посреди того самого лесного озера, где только что была Марина. Коварная княжна торжествуяще открыла глаза Марины, собираясь сделать первый вдох...

Но Судьбу нельзя обмануть. Магия, оскверненная предательством, породила жуткую обратную отдачу. Вместо тихого спасения посреди озера Яви вдруг закрутился бешеный,

неестественный водоворот. Черная воронка с глухим ревом потащила новообретенное тело княжны на самое дно. Мирослава пыталась призвать свою навью магию, но человеческая плоть не слушалась её, а вода безжалостно забивала легкие. Хитрая навка, пожелавшая обменять свою смерть на чужую жизнь, в итоге сама загнала себя в смертельную ловушку. Справедливое наказание настигло её: она погибла в мире Яви, навсегда запертая в чужом теле на дне лесного озера.

А что же Марина?

Марина не погибла. Магические сполохи перенесли её сквозь завесу миров. Вместо болотной жижи, где только что тонула княжна, заклинание обмена сработало иначе — оно очистило и спасло девушку, лишившуюся своего земного дома. Марина стремительно уходила под воду, но не в грязное болото, а в чистые, глубокие подземные воды Нави.

Её тело окутал мягкий серебристый свет, а легкие, вопреки всем законам природы, со вдохом наполнились прохладной навьей водой, не причиняя боли. Она осталась жива, но прежний мир был для неё потерян навсегда. Течение Нави подхватило беззащитную, напуганную Марину и понесло вперед — прямо к чертогам того, кто правил этими водами...

Глава 1

В подводном чертоге Володара, Хозяина Черного омута, царил привычный полумрак. Стены, сплетенные из корней вековых болотных дубов, слабо светились изумрудным фосфоресцирующим мхом. Вокруг массивного каменного трона, украшенного речным перламутром, кружили мелкие водяные духи и пучеглазые болотники.

Володар сидел на троне, подперев кулаком тяжелый подбородок. Сегодня он был не в духе. Парадный кафтан из темно-синего озерного шелка, расшитый серебряными нитями в виде волн, сидел безупречно, подчеркивая широкие плечи и статную фигуру. Длинные, цвета воронова крыла волосы с легким зеленоватым отливом мягко колыхались в воде, а глаза — глубокие, как бездна, с вертикальным зрачком — метали громы и молнии.

— Еще раз спрашиваю, — голос Володара прозвучал как рокот придонного эха, заставив подданных вжать головы в плечи. — Где дань от лешаков? Почему камыш на южной границе не проположен? Я из вас воблу сушеную сделаю, если...

Договорить Хозяин Омута не успел.

Прямо над его головой водяной купол чертога вдруг взорвался магическими сполохами. Закрутился ядовито-зеленый водоворот, пространство с треском разошлось, и из этой

прорехи с оглушительным, чисто человеческим визгом кто-то полетел вниз.

«Диверсия!» — мелькнула мысль в голове Володара. Он приготовился призвать водяной клинок, но боевой настрой рухнул, когда этот «кто-то» с глухим шлепком приземлился... прямо ему на колени.

Раздался треск шелка, брызги полетели во все стороны, а верные болотники с писком бросились врассыпную.

Володар ошарашенно замер. На его коленях, судорожно хватая ртом воздух и отплевываясь от воды, сидела девица. Живая. В странной сухопутной одежде — промокшей насквозь мягкой кофте с капюшоном и синих штанах. Её светлые волосы облепили лицо, а из кармана куртки сиротливо выглядывал какой-то плоский прямоугольный камень, который слабо мигал и шипел.

Марина открыла глаза и тут же зажмурилась. Голова раскалывалась. В ушах шумело. Последнее, что она помнила — как падала с мостков в холодное озеро. Но вместо того, чтобы захлебнуться, она... дышала? Правда, воздух казался странно густым и прохладным.

Она снова приоткрыла один глаз и поняла, что сидит на чем-то очень твердом, теплом и... рельефном. Марина перевела взгляд выше. Прямо перед её носом была распахнутая у ворота ткань роскошного кафтана, под которой угадывался крепкий мужской торс. Она задрала голову еще выше и встретила взглядом с невероятно красивым, но абсолют-

но обалдевшим лицом. На неё смотрел мужчина с резкими, благородными чертами, бледной кожей и глазами цвета темного омута.

— Э-э-э... здравствуйте, — сиплым от страха голосом выдала Марина. Стеснительность, её вечное проклятие, сработала даже в момент смертельной опасности. — Извините, я, кажется, на вас упала... И... у вас кафтан промок. Ой. Вы же в воде. И я в воде. Я с ума сошла, да?

Володар, к которому наконец вернулся дар речи, сузил зрачки. Авторитет великого Водяного, грозы всех здешних мест, был безжалостно раздавлен этой сухопутной пиявкой прямо на глазах у притихших слуг.

— Ты кто такая? — прорычал он, и вода вокруг них опасно забурилась.

В его руке мгновенно сооткнулся ледяной, прозрачный трезубец. Острое, сверкающее лезвие замерло в паре сантиметров от нежной шеи Марины.

— Шпионка? Подослана ведьмами? Говори, пока я не скормил тебя ракам! — Володар попытался вернуть себе грозный вид, хотя девица на его коленях была такой хрупкой, что он боялся случайно переломить её пополам.

Марина посмотрела на ледяное оружие, потом на разгневанного красавца, чьи длинные волосы змеились в воде. Из её собственных волос в этот момент очень вовремя выплыл маленький серебристый малёк и щекотнул её за ухо.

— Я не шпионка... Я Марина... Я просто ф-фотографи-

ровала закат... — пролепетала она.

Сердце Марины забилося так сильно, словно готово было выпрыгнуть из груди. Страх перед жутким подводным существом и дикое смущение от того, что она сидит у него на руках, смешались в гремучую смесь. Глаза девушки наполнились слезами, она сжалась в комок, спрятав лицо в ладонях, и мелко задрожала.

Володар нахмурился. Он ожидал боевых заклятий, проклятий или хотя бы попытки драки. Но эта странная гостья просто плакала, выглядя такой беззащитной и безвредной, что держать трезубец стало совсем глупо. Разве живые люди могут дышать под водой без зелий? Нет. Так почему она жива? И откуда взялись эти магические вспышки, так похожие на запретное навье колдовство?

Водяной развеял оружие в воздухе и брезгливо (как ему хотелось думать) пересадил Марину с колен на каменный пол у трона.

— Эй, прекрати сырость разводить, её тут и так хватает, — буркнул он, поднимаясь во весь свой немалый рост. Кафтан на правом бедре был безжалостно помят. — Чаруша! Лешачий ты корень, беги сюда!

Из-за дальней колонны, семена короткими ножками, побежала маленькая, сгорбленная старушка с зеленоватой кожей, растрепанными волосами из сухой травы и в забавном сарафане из рогожки. Кикимора Чаруша всплеснула руками: — Батюшка-Володар! Царь ты наш озерный! Это что ж

за чудо-юдо с неба свалилось? Живая! Человеком пахнет! Какая сухая, какая не зеленая... Тьфу, страсть какая!

— Забери её, — приказал Володар, стараясь не смотреть на то, как Марина испуганно жметя к подножию его трона. — Запри в ракушечной опочивальне. Поставь стражу из сомов. И чтобы не сбежала, пока я не разберусь, чьи это шутки.

Чаруша подскочила к Марине и цепко схватила её за рукав мокрого худи:

— Пошли, пошли, сухопутная. Ишь, расплакалась. У нас в омуте и без твоих слез рыбе тесно!

Марина, шатаясь от слабости и шока, послушно пошла за ворчащей кикиморой, напоследок обернувшись. Володар стоял у своего трона, величественный и мрачный, провожая её тяжелым, пронизательным взглядом. Его сердце, веками остававшееся холодным, как придонный лед, вдруг странно и непривычно екнуло. Но Водяной лишь сердито тряхнул головой, списывая это на возмущение от испорченного кафтан.

Тронный зал Володара поражал мрачным, но величественным великолепием, до которого не добрался бы ни один сухопутный архитектор. Огромный сводчатый потолок представлял собой живой водяной купол — многотонная толща озера удерживалась здесь лишь могучей волей Хозяина Омута. Сквозь эту прозрачную крышу пробивался рассеянный, колеблющийся зеленовато-синий свет, в котором лениво плавали косяки серебряных рыб. Вместо колонн зал

подпирали вековые, в три обхвата, стволы мореных дубов. Их узловатые корни, глубоко уходившие в ил, переплетались между собой, образуя причудливые ниши и живые арки.

Вдоль стен, словно сказочные гирлянды, тянулись нити крупного речного жемчуга и гроздья светящихся подводных лишайников, отливавших неоновым лазурным блеском. Сам трон, высеченный из цельного куска дымчатого кварца, возвышался на постаменте из речного перламутра. Каждый раз, когда Володар шевелился, перламутр переливался всеми оттенками радуги — от нежно-розового до глубокого фиолетового.

Когда Чаруша увела притихшую Марину, Володар еще долго смотрел им вслед. Гнев уступил место тяжелому, давящему подозрению.

— Живой человек. Дышит в Нави без заговоренных амулетов и колдовской травы, — негромко процедил он сквозь зубы, и его вертикальные зрачки сузились до едва заметных нитей. — И этот сполох... Такая магия не под силу простым смертным. Здесь пахнет заговором.

Водяной резко поднялся с кварцевого трона. Широкие полы его темно-синего кафтана взметнулись в воде, распугав парочку придонных раков, со страху закопавшихся в ил. Мелкая болотная нечисть, до этого затаившаяся за корнями, испуганно замерла. Володар славился суровым нравом, и если кто-то из соседних навых владык решил подбросить ему шпионку, Хозяин Омута был готов высушить чужие болота

до единой капли.

— Слушайте мой указ! — рокот его голоса заставил задрожать жемчужные нити на стенах. — Охрану у чертога утроить. К ракушечной опочивальне приставить старейших сомов — пусть караулят девицу и не сводят с нее усов. А я поднимаюсь наверх, к Черному болоту. Лично проверю, какая ведьма посмела колдовать на моих границах и скинула эту сухопутную мне на голову.

Володар вскинул руку, и вода вокруг него закрутилась стремительным вихрем. Через секунду он мощным толчком направился вверх, к границе Нави и Яви, туда, где туманная гладь Черного болота скрывала проход между мирами. Он был полон решимости поймать ту, что посмела нарушить его покой.

Тем временем Чаруша вела Марину по бесконечным, извилистым коридорам, стены которых были выложены гладкой озерной галькой. Марина шла, едва переставляя ноги от холода и пережитого шока. Мокрые джинсы неприятно липли к телу, а кроссовки смешно хлюпали при каждом шаге, хотя вокруг была вода. Странно, но она не тонула и не задыхалась — воздух, прохладный и пахнувший кувшинками, свободно наполнял её легкие.

Наконец кикимора остановилась перед массивной две-

рю, сплетенной из гибких ивовых прутьев, и с легким скрипом толкнула её внутрь.

Ракушечная комната оказалась на удивление уютной, пусть и пугающей для городского жителя. Вся она была круглой, а её стены сплошь покрывали перламутровые створки гигантских мидий и гребешков, из-за чего комната слабо сияла мягким розовым светом. Из углов свисали пушистые пряди высушенных озерных водорослей, заменявшие шторы, а вместо ковра под ногами лежал мягкий, шелковистый зеленый мох.

Но главным украшением опочивальни была постель. Она представляла собой огромную, раскрытую раковину невиданного моллюска. Внутри нее вместо матраса и одеяла горой лежали пуховые подушки, набитые, судя по всему, нежнейшим речным пухом, и покрывало, сотканное из тончайших нитей водяного шелка.

— Ну, чего застыла, как цапля на мелководье? — проворчала Чаруша, легонько подтолкнув Марину в спину. — Проходи давай, сухопутная. Сиди здесь и носа наружу не высывай.

Кикимора с неожиданной для её почтенного возраста силой усадила Марину на край ракушечной постели. Подушки под девушкой мягко просели, окутывая её приятным теплом.

— Сиди тихо, ручки сложи и жди, — строго пальцем погрозила Чаруша, приглаживая свои растрепанные волосы из

сухой травы. — Батюшка-Володар вернется — сам решать будет, что с твоей бедовой головой делать. А попытаешься сбежать — сомы за дверью быстро тебе пятки отгрызут. Поняла ли, девица?

Марина лишь испуганно и часто закивала, еще сильнее вжимаясь в мягкие подушки и обнимая свои колени. Стеснительность и страх сковали горло, не позволяя произнести ни слова.

Чаруша хмыкнула, удовлетворенная такой покорностью, и, шурша юбкой из рогожки, выскочила из комнаты, с громким щелчком заперев ивовую дверь снаружи. Марина осталась одна в розовом перламутровом полумраке, испуганно прислушиваясь к глухому вздоху великого омута за стеной.

Глава 2

Поверхность Черных болот встретила Володара мертвой, гнетущей тишиной. Мир Нави здесь соприкасался с изнанкой Яви, и это место испокон веков пользовалось дурной славой.

Водяной бесшумно вынырнул посреди черной, маслянистой глади огромной трясины. Вода стекала с его длинных черных волос, капли сверкали в сером предрассветном тумане, который тяжелым саваном висел над землей. Володар замер, чутко прислушиваясь к шорохам. Вокруг высились корявые, иссохшие стволы утонувших берез, похожие на костлявые пальцы великанов. Пахло гнилью, прелой столетней хвоей и застоявшейся болотной жижей.

Ни души. Ни одна птица не крикнула, ни один болотный дух не осмелился показаться на глаза разгневанному Хозяину Омута. Лес казался абсолютно пустым, словно вымершим.

— Ну и где эта ведьма? — раздраженно пробормотал Володар, сузив зрачки. — Скинула девку и в тину зарылась?

Он уже собирался уйти обратно под воду, посчитав, что колдунья успела замести следы и сбежать вглубь Нави, как вдруг его взгляд зацепился за берег.

Среди черной болотной грязи и пожухлой осоки виднелась примятая трава. Володар подошел ближе, ступая по

мелководью. На мягком илистом склоне четко выделялись глубокие, рваные борозды — словно кто-то отчаянно, ломая ногти, хватался за берег, пытаясь удержаться, пока его засасывало внутрь. А чуть выше, зацепившись за корягу, тускло поблескивало то, что заставило Водяного нахмуриться еще сильнее.

Он протянул руку и поднял из грязи разорванные навьи бусы. Крупные бусины из мореного дуба и заговоренных костей болотных гадюк еще хранили на себе остатки сильной, темной магии. Навьей магии.

— Мертвая плоть, — тихо выдохнул Володар, перебирая пальцами артефакт. — Это бусы княжеского рода. Значит, девку скинул не человек... Здесь пахнет высшим колдовством Нави. Но куда делась сама колдунья?

Борозды на грязи обрывались прямо у воды. Словно кто-то ушел на дно, но... не в его омут. Разгадка ускользала, оставляя лишь странное, тревожное послевкусие. Сжав бусы в кулаке, Володар резко развернулся и ушел под воду, оставив Черные болота тонуть в их вечном, безмолвном тумане.

В подводном чертоге Хозяин Омута сразу же направился к тронному залу. Кафтан он сменить не успел, отчего был еще злее, чем обычно.

— Чарушу мне! Живо! — громыхнул его голос по коридорам.

Маленькая кикимора примчалась быстрее, чем голодная шука на приманку. Она семенила, шурша юбкой из рогожки,

и на ходу вытирала зеленые ладошки о передник.

— Здесь я, батюшка-Володар, здесь! Чего кричишь, всю рыбу в округе перепугал, сомы вон под коряги забились, усами дрожат! — заворчала старуха, останавливаясь у трона и упирая руки в бока.

Володар сел на кварцевый трон, положив трофейные бусы на подлокотник, и строго посмотрел на служанку:— Давай без твоих присказок, Чаруша. Как там моя пленница? Не пыталась сбежать? Что выведала у нее?

Кикимора вдруг звонко, по-старушечьи рассмеялась, прикрыв рот ладошкой. Её волосы из сухой травы забавно заколыхались в воде.— Ой, умора, держите меня водяные духи! «Пленница»! Батюшка, ты её в такие покои отправил, что сроду пленники у нас в таких не сидели! Ракушечная опочивальня, подушки пуховые, шелка озерные... Ты бы еще ей корону на голову примерил, тюремщик ты мой грозный!

Володар почувствовал, как к щекам приливает тепло (что для водяного существа вообще было nonsensом), и недовольно хмыкнул, постукивая пальцами по трону.— Много болтаешь, старая. Ладно, признаю, в спешке указал первую попавшуюся комнату. Давай по делу. Как она?

Чаруша мгновенно посерьезнела и тяжело, по-человечески выдохнула. Она опустила плечи и жалостливо покачала головой.— Плохо девице, Володар. Сидит на постели, в кучку сжалась, дышать боится. Я ей слово — она бледнеет. У нее от слез уже всё лицо опухло, глаза красные, как у варе-

ного рака. Плачет без звука, тихонечко так, аж у меня, старой кикиморы, сердце защемило. Не шпионка это, батюшка. Испуганный ребенок, которого из родного гнезда выдернули и в омут бросили. Она ж сухопутная, для нее наш мир — сущий кошмар.

Володар на секунду замер. Перед глазами снова встал образ беззащитной девушки, которая дрожала на его коленях и стеснительно извинялась за то, что намочила его кафтан. Внутри конусом поднялось непривычное, тянущее чувство — смесь вины и странного, глухого беспокойства.

— Опухло, говоришь?.. — негромко повторил Водяной, глядя на разорванные навьи бусы. — Ладно. Ступай, Чаруша. И принеси ей чего-нибудь нормального... Не твоих сушеных лягушек. Я сам к ней зайду.

Пока Володар в тронном зале размышлял над загадкой разорванных навьих бус, в ракушечных покоях Марина пыталась справиться с накатившей паникой. Время здесь текло странно, тягуче, словно сама вода замедляла его ход. Девушка сидела на огромной перламутровой кровати, поджав под себя озябшие ноги. Её мокрое городское худи успело стать неприятно тяжелым, а джинсы казались ледяными. От пережитого страха и беззвучных слез в горле стоял тугой, болезненный ком.

Вдруг ивовая дверь с мягким шорохом отворилась. В комнату, едва ли не кувырком, заплывла Чаруша. В руках кикимора бережно несла целую охапку каких-то вещей. Заме-

тив, что пленница до сих пор трясется, старуха недовольно и громко цыкнула языком.

— Ну чего ты, девица, изводишь себя, а? — проворчала Чаруша, но в её скрипучем голосе уже не было прежней строгости. — У нас в Черном омуте, конечно, сыро, но от твоих слез скоро лилии на потолке завянут. А ну-ка, скидывай свои сухопутные порты! Гляди, что я тебе принесла. Сам хозяин велел гардероб сменить, чтоб не позорила царские чертоги своим рваньем.

Кикимора с гордым видом разложила вещи на краю ракушечной постели. Марина невольно шмыгнула носом и скосила глаза на одежду. Вопреки её страхам, вещи не были сотканы из гнилой тины или болотной грязи. Это была простая, но удивительно красивая одежда, созданная местными мастерицами из того, что давала подводная природа.

Основу наряда составляло длинное, в пол, нижнее платье из озерного шелка — невероятно мягкого, струящегося материала нежно-серого, почти туманного цвета. Ткань ласкала пальцы и казалась невесомой, словно сотканой из речной пены. Поверх платья надевался легкий шерстяной сарафан глубокого темно-изумрудного оттенка, напоминающий цвет чистых озерных глубин в солнечный день. По подолу сарафана шла искусная, аккуратная вышивка серебряными нитями: мелкие речные кувшинки и причудливые волны переплетались в затейливый славянский узор. Одежда была сухой, но наощупь прохладной и приятно пахла свежестью и

речной мятой.

— Ну же, облачайся, сухопутная, — поторопила Чаруша, отворачиваясь к стене из деликатности. — У нас тут чай не палаты Кощея, климат мягкий, а в шелках этих сразу согреешься.

Переодевание заняло у Марины несколько минут. Одежда из мира Нави села на неё идеально, подчеркивая хрупкую фигуру и делая девушку похожей на затворницу из старинных сказок. Шелковистая ткань действительно мгновенно вернула телу тепло, и Марина впервые за долгое время облегченно выдохнула. Но расслабиться ей не дали.

— Так-так-так, а с паклей-то этой что делать? — Чаруша резко обернулась и всплеснула руками, глядя на растрепанные, подсохшие светлые волосы Марины. — Ишь, растрепалась, будто тебя лешие по кустам таскали! У нас в омуте девки приличные так не ходят. Ну-ка, сиди смирно, сейчас я из тебя куколку делать буду.

Старуха подскочила к кровати, ловко извлекая откуда-то из-за пазухи массивный гребень, выточенный из кости древней рыбы. Марина испуганно замерла, не смея пошевелиться, пока жесткие, но аккуратные пальцы кикиморы начали распутывать её локоны. Расчесав волосы, Чаруша победоносно ухмыльнулась и достала из кармана своего передника пучок сочной, ярко-зеленой подводной тины, усыпанной крошечными светящимися ракушками.

— Сейчас мы тебе косу заплетем, да вот этой красотой

украшим! Самая модная девка на дне будешь, русалки от зависти лопнут! — запричитала кикимора, примеряя болотную зелень к голове девушки.

Увидев в зеркальном блеске перламутровой стены эту склизкую, пусть и светящуюся тину, Марина окончательно пала духом. Вся её природная стеснительность и пугливость сработали как защитный рефлекс. Она резко вжала голову в плечи, сжалась в крошечный комок, закрывая голову руками, и едва слышно прошептала:

— Не нужно... Пожалуйста, не надо тины... Я не хочу...

Её голос дрожал так сильно, что Чаруша замерла с гребнем в руке. Кикимора посмотрела на эту хрупкую, испуганную девочку, которая сжалась перед ней, словно ожидала удара, и лишь тяжело, сокрушенно покачала головой. В Нави все привыкли быть зубастыми, хитрыми и сильными, а эта гостья из Яви была совершенно другой — чистой, ранимой и беззащитной.

— Эх, бедовая твоя голова, — вздохнула Чаруша, пряча тину обратно в карман и осторожно похлопав Марину по плечу. — Ладно, ладно, не дрожи ты так, не обижу я тебя. Оставим волосы просто так, пушай распущенными лежат. Тоже, вишь, мода сухопутная...

Старуха отошла к тяжелому деревянному столику, стоявшему у входа, и подняла оттуда массивный кованый поднос, который Марина раньше не заметила.

— Раз одеваться мы не хотим по-нашему, давай хоть по-

ешь. Голодная небось, с самого верха летела, силы-то восстановить надо, — прохрипела кикимора, с гордым видом водружая поднос прямо на постель перед Мариной. — Сама лично для тебя старалась, у донных ведьм выменивала!

Марина несмело опустила руки от лица и заглянула в глубокую глиняную миску, стоявшую на подносе. В ту же секунду её глаза округлились от дикого, неопишемого ужаса, а к горлу подступил такой плотный и тяжелый ком, что дышать стало нечем.

В миске, залитые каким-то мутным зеленым соусом из болотной ряски, копошились... живые, жирные, лоснящиеся черные пиявки. Они медленно переваливались друг через друга, присасываясь к стенкам посуды и шевеля своими склизкими тельцами. Рядом на тарелочке аккуратной горкой лежали сушеные болотные слизи, посыпанные какой-то серой пылью, подозрительно похожей на речной песок.

— Ты гляди, гляди, какие нажористые! — с аппетитом причмокнула языком Чаруша, не замечая, как Марина стремительно бледнеет. — Свежайший улов! Самый сок для здоровья, кровь разгоняют, тоску снимают. Ешь, не стесняйся, хозяин разрешил!

Марина судорожно прижала ладонь к губам, чувствуя, как внутри всё переворачивается от одного только запаха этой «высокой кухни» Нави. Запах, к слову, напоминал тухлую рыбу, смешанную со старой болотной тиной. Девушка резко отшатнулась от подноса, едва не опрокинув миску, и замо-

тала головой, не в силах произнести ни звука от подступающей тошноты. Есть *это* она не смогла бы даже под страхом смертной казни.

В этот самый момент ивовая дверь комнаты с грохотом распахнулась, и на пороге выросла высокая, величественная фигура Володара.

Володар застыл в проеме, скрестив руки на широкой груди. Его длинные черные волосы все еще влажно блестели после подъема на Черные болота, а суровый взгляд сразу же впился в бледную, как пергамент, гостью. Он шел сюда с тяжелыми мыслями о заговоре и разорванных навях бусах, ожидая увидеть хитрую чужестранку, но застал картину весьма далекую от шпионских интриг.

Марина сидела посреди ракушечной постели в новом изумрудном сарафане, который был ей удивительно к лицу, но радоваться обновкам не могла. Девушка судорожно прижимала ладонь к губам, а её глаза, полные слез и неподдельного гастрономического ужаса, были прикованы к копошащимся на подносе пиявкам.

— Ну и что здесь происходит? — рокочущий голос Водяного заставил Марину вздрогнуть и еще сильнее вжаться в подушки.

Володар сделал широкий шаг вперед, плавно приближаясь к кровати. Заметив нетронутое угощение, он недовольно изогнул идеальную черную бровь.

— Она не ест, батюшка-Володар! — тут же наябедничала

Чаруша, всплеснув руками. — Я к ней и так, и эдак, платье вон лучшее справила, косу расчесала. А она на царское угощение смотрит так, будто я ей яду змеинового принесла! Нос воротит, бледнеет, слова не вымолвит!

Володар искренне, до глубины души оскорбился. Он лично распорядился выдать госте лучшее, что было в запасах чертога. За эту болотную ряску с сочными донными пиявками его подданные русалки были готовы хвосты друг другу оборвать, а какая-то сухопутная девица посмела брезговать его щедростью!

— Не ест? — Володар нахмурился, и его вертикальные зрачки опасно сузились. Он подошел вплотную и заглянул в миску, демонстративно принюхиваясь. — Да они же идеальные! Свежие, упитанные, соус из молодой ряски — пальчики оближешь. Ты хоть понимаешь, сухопутная, что это деликатес, который подают только к княжескому столу?

Марина в ответ лишь судорожно сглотнула. От этих слов и от вида копошащегося черного комка в тарелке к её горлу подкатил такой мощный приступ тошноты, что она лишь крепче зажала рот обеими руками. Из её горла вырвался лишь глухой, задушенный звук. Сказать что-то путное в таком состоянии было выше её сил. Ей казалось, что если она откроет рот хотя бы для одного слова, случится непоправимое.

— Что ты молчишь и мычишь? — окончательно разозлился Водяной, чье уязвленное эго требовало ответа. Он грозно

упер руки в бока, возвышаясь над кроватью как темная грозовая туча. — Не тебе, пиявка сухопутная, нос воротить от наших блюд! Ишь, цаца какая выискалась! Нечего было валиться в мой мир со своими порядками, кафтан мне царский мять да купол дырять! Прилетела невесть откуда, свалилась прямо на трон, а теперь ей еще и пиявки не угодили! Ешь, кому говорят, пока я добрый!

Марина посмотрела на его разгневанное, но все еще чертовски красивое лицо, потом на страшную шевелящуюся миску. Обида, дикий страх перед этим властным существом, тоска по дому и банальный голод смешались в одну огромную каплю, которая переполнила чашу её терпения.

Её плечи дрогнули. Не издав ни звука, Марина зажмурилась, отвернулась к перламутровой стене и тихо, горько расплакалась. Крупные слезы покатались по её бледным щекам, оставляя влажные дорожки на озерном шелке нового платья. Она выглядела такой маленькой, хрупкой и беззащитной в этой огромной раковине, что весь грозный запал Володара испарился в ту же секунду.

Водяной осекся на полуслове. Он ошарашенно захлопал глазами, переводя взгляд с плачущей девушки на миску с пиявками. Внутри него снова шевельнулось то самое непривычное, теплое и колющее чувство, которое он упорно принимал за раздражение. Он ведь просто хотел приструнить наглую чужачку, а в итоге... довел её до истерики.

— Батюшка-Володар, ну ты и пень мореный, прости мне

мои речи! — в сердцах заворчала Чаруша, бесцеремонно отпихивая Хозяина Омута от кровати широкой юбкой. Старуха подскочила к Марине, убирая злосчастный поднос подальше. — Что ж ты девку пугаешь, ирод подводный? Она и так от страха едва дышит, бледная как поганка болотная, а ты на нее коршуном нападаешь! Орет он тут, трезубцем своим невидимым машет!

— Я не орал... — растерянно и гораздо тише буркнул Володар, делая шаг назад и пряча руки за спину, словно напроказивший мальчишка. — Я просто... строго разговаривал.

— «Строго» он разговаривал! — передразнила кикимора, бережно прижимая к себе дрожащую Марину и поглаживая её по распущенным волосам. — У нее душа в пятки ушла, а ты ей червей под нос суешь. Сухопутные они другие, Володар. Они такое не едят. Им хлебушка надо, корочку сухую, ну или рыбку запеченую на худой конец. А от твоих деликатесов её наизнанку выворачивает!

Володар молча смотрел на Марину. Девушка уткнулась носом в плечо Чаруши, продолжая тихонько всхлипывать. В этот момент суровый Хозяин Черного омута впервые по-настоящему осознал: перед ним не враг, не шпионка и не колдунья. Перед ним была совершенно чужая, нежная душа, которая по какой-то нелепой ошибке судьбы оказалась заперта в его суровом, пугающем мире.

Володар еще несколько секунд молча переминался с ноги на ногу у ракушечной постели. Наблюдать за тем, как хруп-

кая чужестранка сотрясается от беззвучных рыданий в зеленых объятиях кикиморы, было выше его сил. Каждая слезинка, падавшая с ресниц Марины на озерный шелк, почему-то отзывалась в груди Водяного странным, тянущим уколom. Навь славилась своей суровостью, здесь выживали лишь зубастые да хитрые, но эта пугливая стеснительная девчонка ломала все его представления о порядке.

Хозяин Омута сердито дернул плечом, пытаясь вернуть себе привычную маску холодного величия, и грозно зыркнул на Чарушу.

— Ладно, будет тебе причитать, старая, — буркнул он, скрестив руки на груди. — Хватит с нее сырости.

Володар звякнул кованым подносом, бесцеремонно подхватил глиняную миску с копошащимся «деликатесом» и брезгливо сунул её кикиморе прямо в руки.

— Унеси эту гадость... То есть, унеси это обратно в кладовую, — поправился он, высокомерно вздернув подбородок. — Раз уж она у нас такая... особенная. Марш на поварню, Чаруша! Из-под земли достань, но найди ей нормальной, сухопутной еды. Поскреби по купеческим сусекам на затонувших барках. Хлеба найди, зерна какого-нибудь или рыбы чистой из верхних речных ключей запеки. И чтобы вода была не озерная придонная, а ключевая, родниковая!

Марина, услышав про «хлеб» и «рыбу», понемногу перестала всхлипывать. Она несмело отстранилась от мягкого плеча кикиморы и сквозь мокрые ресницы посмотрела на

Володара. Тот стоял, расправив широкие плечи, и, хоть и хмурился, больше не казался таким пугающим.

Заметив на себе её робкий, заплаканный взгляд, Водяной картинно отвернулся, пряча смущение за напускной грубостью. Он сердито одернул полы своего промокшего синего кафтана и выдал самым суровым тоном, на какой был способен:

— И накорми её как следует! Мне тут в Черном омуте трупы сухопутные не нужны. И без нее хлопот полон загон, только заморенной голодом человеческой души мне для полного счастья не хватало. Возись потом с ее призраком по всему терему...

Чаруша понимающе хмыкнула, пряча хитрую улыбку в густых волосах из сухой травы. Она-то прекрасно видела, как за этим напускным ворчанием скрывается искреннее, еще не осознанное беспокойство Хозяина.

— Будет сделано, батюшка-Володар, всё исполню, — закивала старуха, забирая поднос с пиявками. — Всё найдем, и хлебушка, и водицы ключевой. Ступай по своим царским делам, не пугай девицу зазря.

Володар еще раз коротко, исподлобья взглянул на затихшую Марину, задержав взгляд на её бледном лице, и резко развернулся. Его темно-синие шелка взметнулись, и Хозяин Омута стремительно покинул опочивальню, оставив после себя шлейф прохлады и легкий запах речной мяты.

Глава 3

Володар сидел на своем кварцевом троне, лениво подперев щеку кулаком, и буравил тяжелым взглядом трофей, принесенный с Черных болот. На широком подлокотнике, сияя в изумрудном свете фосфоресцирующего мха, лежали те самые разорванные бусы. Теперь, в тишине и относительной сухости подводного зала, они выглядели еще более зловеще. Тяжелые бусины из мореного дуба потемнели, кости болотных гадюк покрылись странным серым налетом, а соединявшая их жила источала едва заметный, приторно-сладкий запах запретного колдовства.

Водяной протянул руку, коснулся одной из костяных капель и тут же отдернул пальцы. Подушечки обожгло могильным холодом. Внутри него росло раздражение, смешанное с беспокойством, которое он никак не мог заглушить. И, к его вящему недовольству, половина этого беспокойства была связана вовсе не с тайными заговорами Нави, а с бледной, заплаканной девчонкой, сидевшей сейчас в его лучшей ракушечной спальне.

«Трупы сухопутные ему не нужны, вишь ты...» — мысленно передразнил он сам себя, вспоминая свои же слова. От этих мыслей Володар сердито тряхнул головой, заставив длинные черные волосы змеиться в воде.

— Осетр! — гроыхнул голос Хозяина Омута, заставив

жемчужные нити на стенах жалобно звякнуть.

Из-за ближайшей дубовой колонны мгновенно вынырнул его личный воевода — массивный, затянутый в чешую речного монстра дух с роскошными усами, торчащими в разные стороны, как у векового сома. Воевака лихо приложил кулак к груди и преданно вытаращил круглые глаза:

— Здесь, батюшка-Володар! Кого топить? Кому хвост крутить? Опять русалки на перекате бунтуют?

— Тише ты, пучеглазый, — поморщился Володар. — Никого пока топить не надо. Слушай приказ. Хватай верных парней, дуй на правый берег туманной просеки. Найди мне старую... гхм, Вещую Ведьму. Ягу нашу. И тащи её сюда. Скажи, дело государственной важности, омутом клянусь. Да побыстрее!

— Будет исполнено, батюшка! — Осетр отсалютовал так резво, что поднял целую бурю пузырей, и стремительно уплыл, едва не сбив по дороге парочку мелких болотников.

Ждать пришлось долго. Время в Нави тянулось, как густой мед, но Володар не находил себе места. Он то и дело ловил себя на том, что прислушивается к шорохам из коридора, ведущего к ракушечным покоям. Пару раз туда проплывала Чаруша, неся поднос с дымящейся запеченной рыбой и кувшином родниковой воды, и Володар ловил себя на глупой мысли: *«Поела или нет? Снова плачет?»* Ему, древнему водному владыке, было чертовски непривычно чувствовать эту странную, хрупкую ответственность за существо, кото-

рое даже пиявку проглотить не может.

Наконец у входа в зал послышался шум, ворчание и всплески.

— Дапусти ты меня, усатое чучело! Сама дойду, чай, ноги не отсохли! Ишь, распустили хвосты, сомы недоделанные! — донесся до Володара до боли знакомый, скрипучий и бодрый голос.

В тронный зал, бесцеремонно отпихивая Осетра, вошла Баба Яга. К удивлению любого человека, здесь, в Нави, она вовсе не выглядела дряхлой старухой с носом-крючком. Яга была статной, крепкой женщиной неопределенного возраста с цепкими, сияющими янтарем глазами, в роскошном платке, расшитом золотыми нитями, и в тяжелых бусах из полудрагоценных камней. Из-под подола её длинной юбки кокетливо выглядывал край костяной, филигранно вырезанной туфельки. Володара и Ягу связывали века крепкой, ворчливой дружбы — они были одними из немногих, кто помнил Навь еще до того, как она обросла интригами.

— Здорово, мокрый! — Яга всплеснула руками и, проигнорировав все правила приличия, уселась прямо на ступеньку перламутрового постамента. — Чего звал в такую рань? Я только-только мухоморы на зиму мариновать готовилась, а тут твои караси с трезубцами врываются.

— И тебе не хворать, Ягиня, — Володар невольно улыбнулся, хотя тут же вернул лицу серьезное выражение. Он протянул руку и указал на подлокотник. — Глянь-ка вот на

это. На Черных болотах подобрал. А в комплекте к этому чуду мне прямо на голову с неба свалилась живая девка из Яви.

Яга мгновенно подобралась. Серенада про мухоморы была забыта. Она ловко сцапала бусы своими тонкими пальцами с длинными ногтями и поднесла их к самому лицу.

Володар с интересом наблюдал за её методами изучения, и с каждым мгновением его левая бровь ползла всё выше и выше.

Сначала Яга шумно затянулась носом, втягивая воздух прямо над костяными бусинами, забавно шмыгая. Затем она зажмурила один глаз, рассматривая скол на мореном дубе через какой-то невидимый колдовской прищур. Но апогеем исследования стало то, что ведьма... внезапно засунула одну из гадючьих косточек себе в рот и с громким хрустом прикусила её коренным зубом.

— Тьфу! Эк тебя... — Володар картинно передернул плечами и поморщился, откидываясь на спинку трона. — Яга, ты вроде Вещая Ведьма, хранительница границ, а ведешь себя как голодный баклан. Ты бы еще облизала их для верности. У меня в омуте, между прочим, приличные духи сидят, а ты кости грызешь.

Яга с глухим стуком отплюнула бусину на ладонь и сердито зыркнула на Водяного:— Ты, мокрый, свою сырость тут не разводи! Твое дело — рыбами командовать да пузыри пускать, а в магии не суйся, коли ума бог не дал. Зуб — лучший инструмент! Кость-то заговоренная, сразу структуру пока-

зывает.

Она потеряла ладонью бусы, от которых пошел легкий сизый дымок.— Навской девки это штучки, Володар. Точно тебе говорю. Причем не из простых болотниц — кровь тут княжеская, древняя, порченная. Заклятие на бусах висело страшное — «Обмен долей». Кто-то очень сильно не хотел помирать и подсунул вместо себя невинную душу.

Володар нахмурился, его зрачки снова превратились в щелочки.— Значит, девчонка из Яви — жертва?

— Она самая, — вздохнула Яга, пряча разорванные бусы глубоко в складки своего роскошного платка. — Твоя гостья теперь привязана к Нави крепче, чем ты к своему болоту. Но вот чьи именно это бусы — пока не скажу. Магия древняя, запутано всё, как волосы кикиморы спросонья. Забираю я их у тебя, Володар. Надобно мне в избушке у себя, над чашей с мертвой водой, их покрутить, пошептать.

Ведьма поднялась, поправила платок и хитро прищурилась, глядя на притихшего Водяного:— Приду позже, как разузнаю побольше. Пока не получится точно сказать, чья это была доля. А ты девку-то не обижай. Ей и так досталось. Хрупкие они, сухопутные-то, от одного твоего чиха помереть могут.

— Да не обижаю я её! — вскинулся Володар, искренне возмущившись. — Накормить вон велел... рыбой нормальной. Она от моих пиявок чуть омут не заплевала.

Яга оглушительно расхохоталась, направляясь к выхо-

ду:— Пиявок он ей подсунул! Ну ты и романтик, Володар! Ты бы ей еще дохлую лягушку на свидание принес! Ладно, бывай, Хозяин. Жди новостей и береги свою сухопутную беду!

С этими словами ведьма растворилась в воздухе, оставив после себя легкий шлейф из запаха сушеной полыни и дыма. Володар остался сидеть на троне один. Слова Яги об «Обмене долей» тяжелым камнем легли на сердце. Он медленно поднялся и посмотрел в сторону жилых коридоров.

Проводив Ягу, Володар еще добрых полчаса мерил тронный зал шагами. Разговор о проклятом заклятии «Обмена долей» оставил горький осадок, но еще сильнее Водяного изводило любопытство. Ему до скрежета зубовного хотелось понять, кого именно Судьба подсунула ему в Черный омут вместо коварной навьей девки.

Наконец, Хозяин Омута решительно развернулся, поправил воротник синего кафтана и уселся на кварцевый трон, постаравшись принять как можно более величественный и грозный вид.

— Чаруша! — позвал он, и звук его голоса эхом покатился по дубовым сводам. — Веди сюда чужестранку. Будем дознание учинять.

Ждать пришлось недолго. Вскоре на пороге зала показалась маленькая кикимора, которая буквально за руку тащила Марину. Девушка шла мелкими, неуверенными шажками, словно ступала по тонкому льду. Переодетая в изумрудный

сарафан и шелковое туманное платье, она выглядела удивительно гармонично в этом подводном царстве, если бы не её дикий, парализующий испуг. Марина намертво вцепилась пальцами в подол своего нового сарафана, судорожно теребя и сминая дорогую ткань. Голову она вжала в плечи так сильно, что, казалось, пыталась полностью спрятаться за прядями своих распущенных светлых волос.

Пока они шли к подножию трона, Марина, несмотря на сковавший её страх, не удержалась и принялась робко осматриваться по сторонам. И то, что она видела, заставляло её то и дело испуганно вздрагивать.

По краям зала, за дубовыми колоннами, толпились придворные Володара — и это зрелище могло свести с ума любого городского жителя. Прямо у входа застыли стражники Осетра: статные, широкоплечие мужчины, которые до пояса выглядели как сказочные витязи, но вместо ног у них плавно покачивались огромные, покрытые блестящей чешуей рыбы хвосты. Чуть дальше шушукались бледные речные девы, у которых при каждом вздохе на шее шевелились тонкие, полупрозрачные жабры. А из-за дальнего корня на Марину лупоглазо уставился мелкий чиновник, который вообще больше походил на гигантскую очеловеченную лягушку в суконном кафтане — он смешно раздувал горловой пузырь и безостановочно моргал.

Сглотнув подступивший к горлу ком, Марина перевела взгляд на возвышающийся в центре зала трон. На нем вос-

седал сам Володар.

Теперь, когда она не падала на него сверху и не захлебывалась слезами, Марина смогла рассмотреть его как следует. Водяной был безумно, пугающе красив. Окажись он в её родном городе, за ним бы оборачивались все прохожие. Его лицо с резкими, благородными чертами казалось высеченным из мрамора, а широкие плечи и гордая посадка головы выдавали в нем истинного правителя. Однако при ближайшем рассмотрении Марина заметила детали, которые четко отделяли его от обычных людей. Кончики его ушей были слегка угловатыми, заостренными кверху, словно у лесного эльфа. Глаза цвета грозового омуты имели необычный вертикальный зрачок, который то сужался, то расширялся, ловя колебания воды. А когда Володар положил руки на подлокотники, Марина увидела, что между его длинными, изящными пальцами натянуты тончайшие, почти прозрачные перепонки.

У Марины внутри всё похолодело. *«Перепонки... Жабры... Хвосты...»* — пронеслось в её бедовой голове. Ужас перед неизвестной магией этого мира породил внезапную, паническую мысль: *«А вдруг я тоже теперь такая?!»*

Позабыв обо всем на свете, Марина резко опустила взгляд на собственные руки. Она подняла ладони к лицу и принялась лихорадочно растопыривать пальцы, проверяя, не выросла ли между ними кожаная перепонка. Затем она судорожно схватила прядь своих волос, дергая её и проверяя, не

превращаются ли локоны в зеленую болотную тину, и попыталась незаметно пощупать шею на предмет жабр.

— Да прекрати ты дергаться перед его величеством, сухопутная беда! — шикнула на нее Чаруша и легонько, но ощутимо стукнула Марину ладошкой по руке, заставляя опустить ладони. — Ишь, крутится, как выюн на сковородке! Смирно стой, коли пред светлые очи Хозяина явилась!

Марина от неожиданности обиженно подожмала губы. Вся её смелость тут же улетучилась. Она снова вжала голову в плечи, уставилась в перламутровый пол у своих ног и густо, до самых кончиков ушей, покраснела от стыда и смущения.

Этот безмолвный комедийный спектакль не укрылся от внимательного взгляда Водяного. Володар, который до этого изо всех сил пытался сохранить маску сурового судьи, почувствовал, как уголки его губ предательски поползли вверх. Эта девчонка была настолько непосредственной, пугливой и смешной в своих страхах, что злиться на нее было просто невозможно. Её стеснительность не выглядела наигранной — она действительно была готова сквозь землю провалиться от одного только сурового взгляда.

Володар слегка подался вперед, положив локти на колени, и вкрадчиво, с явной усмешкой в голосе, спросил:

— Ну и что же ты там высматривала? Позволь узнать, тебе что-то не нравится в нашей подводной внешности? Или ты ожидала, что у меня вместо ног тоже рыбий хвост вырастет, и я буду тут перед тобой плавниками хлопать?

Марина от его бархатного, вибрирующего голоса вздрогнула и затрепетала, как пойманная в сети плотва, не зная, куда девать глаза от смущения.

Марина стояла ни жива ни мертва, продолжая сжимать в кулаках многострадальный изумрудный подол. Молчание затягивалось. Наглый лягушачий чиновник за колонной шумно вздохнул, раздув свой горловой пузырь с мерзким хлюпающим звуком, отчего Марина едва заметно подпрыгнула на месте.

Володар продолжал буравить её взглядом, терпеливо ожидая ответа. Уголки его губ все еще подергивались в едва заметной усмешке, которая пугала девушку ничуть не меньше, чем его ледяной трезубец.

— Ну? — мягко поторопил Водяной, слегка качнув головой, из-за чего его длинные темные локоны плавно качнулись в толще воды. — Я жду. Мне начать угадывать? Или, быть может, тебя заколдовали злые русалки, лишив дара речи?

— Я... я... — Марина с трудом разомкнула сухие, подрагивающие губы. Стыд от того, что её только что поймали на судорожном поиске перепонки между собственными пальцами, напрочь вышиб из головы все остатки связных мыслей. — Просто... просто...

— Как тебя зовут? — мягко, но настойчиво перебил её заикание Володар. Его бархатный голос прозвучал так низко и глубоко, что эхо от него, казалось, завибрировало где-то в

груди у Марины.

— Ма-марина... — выдохнула она, наконец решившись на долю секунды поднять глаза и тут же испуганно уставившись обратно на свои туфельки.

— Марина, значит, — повторил Водяной, словно пробуя имя на вкус. Оно звучало необычно для Нави, но в нем определенно было что-то морское, близкое его водной стихии. — Прекрасно. Первую тайну мы раскрыли. А теперь поведай мне, Марина, кто ты вообще такая? Откуда явилась, сколько тебе зим и чем занималась в своем поднебесном мире, пока не решила пробить головой мой потолок?

Марина судорожно вздохнула, пытаясь унять бешеную дрожь в коленях. Она изо всех сил старалась вспомнить свою обычную, спокойную жизнь в Яви, которая сейчас казалась далеким, несбыточным сном.

— Мне... мне двадцать лет, — заикаясь и запинаясь едва ли не на каждом слове, пролепетала она, сильнее кутаясь в пряди волос. — Я... я учусь в университете. На биолога. И я... ну... девушка. Просто девушка.

Услышав это, Володар не выдержал. Он откинулся на спинку кварцевого трона и оглушительно, искренне расхохотался. Его смех полетел по залу, заставив стражников-сомов весело зашевелить усами, а мелких водных духов — радостно заплескаться в углах.

— Что ты... девушка, я и сам прекрасно вижу! — сквозь смех проговорил Хозяин Омута, забавно всплеснув руками.

— В нашем мире они, представь себе, тоже водятся. Обернись вон, русалок пруд пруди на каждом перекате. Правда, наши девки не такие хрупкие. И уж точно не ревут по каждому поводу, как ты. У нас из плачущих только утопленницы водятся, да и те слезы льют исключительно ради дела — чтобы заманить глупых сухопутных людей в свои топи, а потом утащить на самое дно.

Марина, которая только-только начала немного успокаиваться, от этих слов мгновенно побелела пуще прежнего. Ужас ледяной волной окатил её с ног до головы. «*Утопленницы... заманить... утащить на дно!*» Её богатое воображение тут же нарисовало жуткую картину её собственной скорой кончины.

— Вы... вы меня убьете? — пискнула она, резко вскинув голову. Её большие, полные искренней паники глаза уставились прямо на Водяного. В этот момент она выглядела настолько жалко и испуганно, что Володар, собиравшийся сделать очередной глоток из своего кубка с ключевой водой, подавился смешинкой.

Он закашлялся, шумно отплевываясь, а треклятый кубок едва не выскользнул из его пальцев. Придворные за колоннами испуганно ахнули, а Чаруша недовольно всплеснула руками.

— Тьфу ты, пропасть сухопутная! — прохрипел Володар, утирая губы тыльной стороной ладони. Он наклонил голову набок, уставившись на Марину долгим, пронзительным

взглядом, в котором смешались изумление и какое-то странное, новое любопытство. — Убить тебя? Да если бы я хотел тебя убить, ты бы уже давно кормила моих раков на самой глубине, а не стояла тут в лучшем сарафане моей кладовой!

Он замолчал, продолжая внимательно рассматривать девушку. Стук его собственного сердца в груди вдруг показался ему слишком громким. Володар совсем позабыл, как обычные люди из Яви вообще попадают в Навь. Ведь по законам древнего мироздания сюда вела лишь одна дорога — через смерть. В его царство приходили исключительно безмолвные, холодные мертвые души, потерявшие земную оболочку.

Но от Марины не пахло смертью.

Водяной подался вперед, шумно втягивая носом прохладную воду зала. Нет, от нее совершенно не пахло могильным холодом или тленом Нави. Она пахла солнцем, свежей землей, полевыми цветами и... теплом. Настоящим, бьющим через край живым человеческим теплом. Её сердце за ребрами колотилось так быстро и громко, что Володар чувствовал эти вибрации даже через толщу воды.

Она была живой. Абсолютно, невероятно живой. Но как такое возможно, если проход для живых в Навь был навечно запечатан? Володар нахмурился, чувствуя, как внутри него просыпается не только охотничий азарт правителя, но и какое-то трепетное, защитное чувство к этой нелепой, пугливой девчонке. Она была здесь чужой, аномалией, хрупким

цветком, заброшенным в ледяной омут. И если кто-то узнает, что в Нави бродит живой человек, на нее объявят охоту все темные твари Черных болот.

— Живая... — тихо, едва слышно для самого себя прошептал Водяной, не сводя с Марины замороженного взгляда с вертикальными зрачками. — Самая настоящая живая беда на мою голову.

Володар медленно откинулся на спинку трона, продолжая буравить Марину взглядом. Вертикальные зрачки сузились, ловя каждое движение её ресниц.

— Ладно, сухопутная биолог, — нарушил он затянувшееся молчание, высокомерно вздернув подбородок. — Что с тобой делать, я еще не придумал. Казнить тебя вроде как не за что, кафтан ты мне протрещала, конечно, знатно, но на смертную казнь это пока не тянет.

Марина облегченно, прерывисто выдохнула, но Водяной тут же поднял руку с прозрачными перепонками, призывая к тишине.

— Но радоваться рано. Ты в Нави, Марина. И пахнешь ты для местных обитателей так, словно посреди голодной стаи волков разложили парную телятину со специями. Живое тепло в нашем мире — штука редкая и очень... аппетитная. Если тебя учует какой-нибудь бродячий болотник или голодная русалка с дальнего переката, от тебя и косточек не останется.

Марина испуганно сглотнула, а её пальцы снова судорож-

но впились в изумрудную ткань сарафана.

Володар небрежно скользнул пальцами по своей шее и снял тонкий, сплетенный из водорослей шнурок.

На нем покачивался небольшой кулон. Это была странная, удивительная ракушка. Марина, как будущий биолог, точно знала: ракушки в природе бывают белыми, розовыми, коричневыми, серыми — но только не такими. Эта ракушка отличалась глубоким, сочным изумрудно-зеленым цветом, словно её вырезали из цельного куса чистейшего нефрита, а внутри неё мягко пульсировал едва заметный серебристый свет.

Водяной щелкнул пальцами, и кулон, плавно скользя сквозь толщу воды, подплыл прямо к Марине. Она робко протянула дрожащие ладони, и заговоренная вещица опустилась на её пальцы. Ракушка оказалась на удивление теплой.

— Надень и никогда не снимай, — строго приказал Володар. — Этот оберег скроет твой живой человеческий запах. Для всех остальных тварей ты будешь пахнуть как обычная, приличная придонная тина. Не самый изысканный аромат, конечно, зато для жизни полезно.

Марина послушно нацепила шнурок на шею, пряча зеленую ракушку под воротник платья. Кулон тут же приятно согрел кожу на ключице.

— Так, Чаруша, — Володар перевел взгляд на притихшую кикимору. — Забирай её. Покажи ей, где тут что находится в нашем тереме, проводи экскурсию, чтобы она со страху

в первый попавшийся темный угол не забилась. Но смотри за ней в оба глаза! Дальше дворца — ни ногой. За пределы омута не выходить, из терема не уплывать, к русалкам близко не подпускать. Поняла?

Марина, услышав про «не уплывать», вдруг несмело приподняла свои большие, округлившиеся от смущения глаза. Она посмотрела на величественного Хозяина Омута и едва слышно, заикаясь, пролепетала:

— Извините... но я... я вообще-то плавать не умею. От слова совсем. Я только по собачьи могу... и то если дно ногами чувствую.

В зале повисла оглушительная тишина. Осетр за колонной удивленно икнул, а Володар на секунду потерял дар речи. Водяной, гроза всех рек и озер, повелитель бездонных омутов, который родился в воде и дышал водой, уставился на нее как на умалишенную. А затем тронный зал снова содрогнулся от его раскатистого, искреннего смеха.

— Не умеешь плавать?! — Володар едва не согнулся пополам, вытирая выступившую слезу пальцем с перепонкой. — Сидит на дне Черного омута, дышит навской водой, а плавать не умеет! Ой, не могу, сухопутная беда! Всё, Чаруша, уводи её немедленно! Уводи, пока я с ума не сошел от этой девицы!

Кикимора подхватила Марину под локоть и потащила к выходу из зала. Марина напоследок обернулась, и её взгляд — робкий, стеснительный, но уже без прежнего смертельно-

го ужаса — на секунду встретился с глазами Володаря.

И как только тяжелые ивовые двери со скрипом закрылись за пленницей, смех Водяного резко оборвался.

В ту же секунду его грудь прошила такая резкая, жгучая и острая боль, что Володар невольно задохнулся. Сердце больно, раскаленным гвоздем кольнуло где-то слева под синим шелком кафтана. Водяной мгновенно выпрямился на троне, изо всех сил стараясь сохранить каменное выражение лица, чтобы ни один из притихших придворных не заметил этой внезапной слабости.

С его сердцем всегда всё было просто. Про это сердце в Нави ходили легенды. Володар родился существом холодным, как придонный январский лед, плотным и непроницаемым, словно вековое гиблое болото. За долгие столетия своей жизни он ни разу никого не любил. Он не знал, что такое сочувствие, жалость или нежность. Вся его жизнь подчинялась трем незыблемым правилам: абсолютный контроль своего двора, железная строгость к подданным и беспрекословное подчинение нечисти. Его уважали, его боялись, и его это полностью устраивало.

И тут... вот так. Какое-то непонятное, теплое и пугающее шевеление началось в этом проклятом, веками замерзшем сердце. И из-за кого? Из-за какой-то нелепой, пугливой сухопутной девчонки, которая провела в его мире всего один неполный день!

Володар судорожно, рвано выдохнул густой подводный

воздух и плотно поджал губы. Изменения, происходящие внутри него, ему совершенно, категорически не понравились. Это пугало древнего духа сильнее, чем возможное нашествие ведьм.

— Вон! — вдруг яростно рявкнул Володар, резко поднимаясь с трона.

Он с силой взмахнул широким рукавом кафтана. Вода в зале вскипела, во все стороны с глухим шипением повалили огромные тучи серебристых пузырей.

— Все прочь из зала! Чтобы ни одной жабы тут через секунду не видел! Пошли вон!

Мелкие водные духи, стражники-сомы и лягушачий чиновник с диким писком и плеском бросились врассыпную, скрываясь в темных коридорах. Володар, тяжело дыша и прижимая ладонь к бешено стучащему, растопленному сердцу, стремительно направился в свои личные, закрытые для всех покои.

Глава 4

На следующее утро Марина проснулась от того, что перламутровые стены её ракушечной опочивальни окрасились в мягкий, золотисто-зеленый цвет. Солнечные лучи из мира Яви, пробивая многометровую толщу озерной воды, доходили сюда ласковыми, дрожащими полосами. Девушка сладко потянулась, запутавшись в простынях из озерного шелка, и с удивлением поймала себя на мысли, что впервые за всё время она выпалась.

Живот требовательно заурчал. К чести Володара, Чаруша накануне вечером действительно принесла ей нормальной еды: запеченная в ароматных травах стерлядь и кувшин ледяной, сладковатой родниковой воды показали Марине пищей богов.

Вдруг ивовая дверь с мягким шуршанием распахнулась, и в комнату привычным выюном влетела кикимора.

— Ну что, соня сухопутная, глазки продрала? — бодро застрекотала Чаруша, поправляя свой неизменный передник из рогожки. — А ну, подъем! Хозяин велел тебя без призора не оставлять, так что сегодня я твоя нянька, путеводитель и личная охрана в одном флаконе. Пошли терем царский осматривать, пока усатый Осетр со своими сомами все коридоры не занял!

Марина поспешно поднялась, поправила изумрудный са-

рафан и проверила заговоренный кулон. Зеленая ракушка послушно висела на шее, отдавая приятным, едва заметным теплом.

Экскурсия по подводному дворцу Володара оказалась для Марины настоящим испытанием для воображения. Терем Хозяина Омута был огромным и напоминал лабиринт, выдолбленный внутри гигантского затонувшего рифа и оплетенный корнями вековых деревьев.

Сначала Чаруша повела её на царскую поварню. Там царил сумасшедший хаос. Огромные глиняные печи топились странным, синим магическим огнем, который горел прямо под водой и давал сильный жар. Десятки мелких болотников и водяных чертенят с забавными перепончатыми ушками с криками носились по кухне. Один из них, похожий на пухлого головастика в поварском колпаке, как раз пытался поймать огромного, брыкающегося речного рака, который наотрез отказывался лезть в котел с супом. Рак грозно щелкал клешнями, а поваренок от страха раздувал щеки и пускал тучи мелких пузырей.

— Ты гляди, гляди, как бегают! — хихикнула Чаруша, утягивая Марину за рукав подальше от летящих брызг. — Это они к вечернему пиру готовятся. Батюшка наш, Володар, после вчерашнего сам не свой. Весь день в кабинете заперся, бумаги государственные ворошит, а на слуг рычит так, что у карасей чешуя сыпется!

Кикимора подмигнула Марине своим цепким глазом и

заговорщически прошептала, прикрывая рот зеленой ладошкой:

— А я-то знаю, отчего он такой лютый! Напугала ты его вчера на допросе, девица. Наш суровый Хозяин, гроза всех топей и болот, от одного твоего робкого взгляда аж пузыри из ушей пустил! Сто лет его таким растерянным не видела. Видать, зацепила ты его сухопутную струну в сердце-то ледяном!

Марина от этих слов мгновенно вспыхнула до кончиков волос. Она густо покраснела, уткнулась носом в пряди собственных волос от смущения и тихонько пролепетала:

— Чаруша, ну что ты такое говоришь... Он же царь, великий и грозный, а я... я просто плавать не умею.

— Вот то-то и оно, что не умеешь, а омутом его крутишь! — хохотнула старуха, выводя её из шумной кухни в длинный коридор.

Вскоре они вышли в самое красивое место дворца — Подводные сады. У Марины, как у биолога, от восхищения буквально перехватило дыхание. Это было огромное пространство, залитое ярким неоновым светом. Вместо деревьев здесь росли гигантские кусты разноцветных пресноводных губок и причудливые веера водных папоротников. По дну, словно живой персидский ковер, стелился мягкий мох фиолетовых и лазурных оттенков. Ветви растений были усыпаны тысячами блуждающих огоньков — крошечных светящихся медуз, которые лениво покачивались в воде, создавая

атмосферу волшебной сказки. Между ними, не боясь людей, шныряли крошечные золотые рыбки с длинными, вуалевыми хвостами.

Марина заворуженно протянула руку к одной из светящихся лилий, напрочь позабыв о своих страхах, как вдруг вода вокруг них резко похолодела. Течение изменилось, принеся с собой приторный, удушливый запах кувшинок и тины. Светящиеся медузы испуганно погасли и забились под коряги.

— Ох, легки на помине, принесли нелегкую речные воображалы, — недовольно проворчала Чаруша, мгновенно закрывая Марину своей широкой юбкой и выставляя вперед острые локти.

Из-за густых зарослей подводного папоротника, грациозно изгибая серебристые хвосты, выплыла стайка русалок. Их было около пяти, и все они были мертвенно, но чарующе красивы: бледная кожа, огромные глаза без зрачков и длинные, зеленые, как болотная тина, волосы, которые шлейфом тянулись за ними в воде.

Впереди всех, надменно покачивая бедрами, плыла их предводительница — Глафира, бывшая фаворитка и любимица Володара. Её хвост был покрыт крупной, переливающейся изумрудной чешуей, а на шее красовалось ожерелье из остро заточенных речных ракушек. Глафира всегда считала себя будущей хозяйкой этого омуты, и появление живой человеческой девчонки, о которой судачил весь дворец, при-

вело её в неистовство.

— И надо же, какая мерзость в наших садах завелась, — протянула Глафира, и её голос прозвучал как скрип старой камышинки на ветру. Она смерила Марину презрительным взглядом от макушки до кроссовок. — Чаруша, ты зачем это сухопутное чучело по царским чертогам таскаешь? От нее же за версту человеком пахнет. Фу, аж жабры сводит от этой вони!

Другие русалки противно и звонко захихикали, обступая Марину и Чарушу плотным полуколымом. Они начали картинно кружить вокруг девушек, создавая своими хвостами неприятные, холодные водовороты.

— Уйдите прочь, хвостатые! — огрызнулась Чаруша, воинственно замахнувшись на них своим деревянным гребнем. — Хозяин лично велел гостью беречь! Если хоть одна чешуйка с вас упадет от его гнева — я не виновата!

Глафира лишь дерзко рассмеялась, подплывая к Марине почти вплотную. Её лицо, красивое, но злое, замерло в паре сантиметров от лица испуганной девушки. Марина от страха сжалась в комок, зажмурилась и прижав руки к груди. Стеснительность не позволяла ей ответить наглым речным девам, и она лишь беззащитно дрожала, ожидая удара или ледяных когтей.

— Посмотрим, как тебя Хозяин беречь будет, когда от твоей смазливой мордашки ничего не останется, — прошипела Глафира, резко выбрасывая вперед руку с длинными,

острыми как бритва ногтями, собираясь полоснуть Марину по щеке.

Русалки торжествующе взвизгнули, но дописать свою подлость Глафира не успела.

Как только её когти приблизились к Марине, кулон на шее девушки — зеленая заговоренная ракушка — внезапно вспыхнул ослепительным, ядовито-изумрудным светом. Магия Володара, заключенная в обереге, почувствовала прямую угрозу своей подопечной. От кулона во все стороны ударила мощная, невидимая силовая волна.

Раздался глухой, раскатистый подводный хлопок.

Глафиру с диким визгом отбросило назад добрых на пять метров, и она со всего маху влетела спиной в густые заросли колючего папоротника, запутавшись в нем хвостом. Остальных русалок волной раскидало в стороны, словно мелкую плотву. Они беспомощно кувыркались в воде, хватаясь за головы и испуганно вереща.

— Магия Хозяина! — в ужасе завопила одна из русалок, разглядывая сияющий кулон на шее Марины. — У нее его личная печать!

Глафира, яростно выпутывая свой изумрудный хвост из кустов и тяжело дыша от злости, бросила на Марину полный жгучей ненависти взгляд:

— Это еще не конец, сухопутная пиявка! Ты еще поплачешь в нашем омуте!

С этими словами русалки стремительно взмахнули плав-

никами и растворились в глубине садов, оставив после себя лишь облако поднятого со дна ила.

Марина медленно открыла глаза и испуганно перевела дыхание, опустив взгляд на кулон. Зеленая ракушка постепенно остывала, её серебристый свет внутри становился прежним, спокойным и мягким. Девушка прижала ладонь к оберегу, чувствуя, как по телу разливается волна благодарности к суровому Водяному, который, даже будучи запертым в своем кабинете, смог защитить её от беды.

— Ну и ну... — ошарашенно протянула Чаруша, поправляя сбившийся набок платок из сухой травы. — Говорила же я, что он на тебя засмотрелся! Личный оберег с боевой печатью отдать... Всё, девица, теперь тебя тут никто не тронет, побоятся гнева Володара. Пошли-ка скорее обратно в покои, от греха подальше, пока наш грозный защитник сам на этот шум не приплыл!

Марина послушно кивнула, крепко сжимая в руке теплую изумрудную ракушку, и они с кикиморой поспешили прочь из растревоженных садов.

После пережитого в Подводных садах Марина едва дышала от страха. Чаруша буквально на руках дотащила её обратно до ракушечных покоев, сердито ворча и шурша своей юбкой. Усадив бледную, трясущуюся девушку на край перла-

мутровой постели, кикимора развила бурную деятельность. Уже через десять минут перед Мариной стоял массивный кованный поднос с поздним завтраком: пышущий паром запеченный судак в диких речных травах, мягкая лепешка из купеческих припасов и высокий кувшин с ледяной родниковой водой.

— На, ешь, сухопутная, — строго приказала Чаруша, вкладывая в дрожащие пальцы Марины костяную вилку. — Ешь и в подушки зарывайся. Носа наружу не высовывай, сомы за дверью теперь уши на плаву держат. А я отлучусь ненадолго. Надобно мне батюшке нашему, Володару, отчет сдать, пока эти бесхвостые кувшинки чего доброго первыми не наплели.

Марина лишь робко кивнула, прижимая ладонь к зеленому кулону на шее. Ракушка всё еще слабо пульсировала теплом, напоминая о том, какая сила сокрыта в этой безделице. Стоило двери за кикиморой закрыться, как Марина осталась наедине со своими мыслями, испуганно прислушиваясь к каждому вздоху Черного омута за стенами.

В тронном зале Володара царило тяжелое, грозное затишье. Хозяин Омута сидел на своем кварцевом престоле, мрачнее самой глубокой придонной впадины. Перед ним на перламутровом постаменте лежали раскрытые свитки из вы-

сушенных озерных листьев, но мысли правителя были далеки от государственных дел Нави.

Ивовые двери тихо скрипнули, и в зал скользнула Чаруша. Она подошла к трону и, не дожидаясь вопросов, всплеснула руками.

— Ну, батюшка-Володар, ну удружил! — с порога запричитала кикимора, упирая руки в бока. — Твой кулон-то зеленый, заговоренный... Ох и работает же! В пух и прах разметало девок хвостатых по всему саду! Если б не твоя боевая печать на ракушке, ходить бы сейчас явской девке со страшными шрамами на всё лицо. Эта непутевая Глафира ей прямо в глаза когтями своими целилась, ирод камышовый!

Володар резко выпрямился. Его широкие плечи напряглись, а пальцы с такой силой сжали подлокотник трона, что дымчатый кварц жалобно хрустнул. Внутри Водяного лавой вспыхнула ярость.

— Что? — его голос прозвучал как глухой, предвещающий шторм рокот придонного эха. — Глафира посмела поднять руку на мою гостью во дворце?

— Да если б только руку! Вцепиться хотела, змея болотная! — подлила масла в огонь Чаруша. — Марина-то наша со страху чуть дух не испустила, сжалась в комок... Кабы не оберег твой, изувечили бы девчонку!

Володар судорожно выдохнул густой подводный воздух, с трудом сдерживая бушующие внутри чары. Его сердце снова больно, предупреждающе кольнуло.

— Ступай обратно, Чаруша, — процедил он сквозь зубы, и его вертикальные зрачки сузились до состояния бритвенных лезвий. — С глаз девчонку не спускай. Накорми, успокой. А ко мне... Осетр! Живо привести сюда Глафиру. Одну. Остальных русалок запереть на перекате.

Кикимора удовлетворенно хмыкнула и поспешила прочь, зная, что когда Хозяин Омута говорит таким тоном, Навь содрогается от страха.

Володар остался один, тяжело переводя дыхание. Как бы Глафира ни нравилась ему раньше как русалка — красивая, грациозная, знающая толк в подводных забавах — но он терпеть не мог, когда за его спиной трогали то, что принадлежало ему. Или находилось под его защитой. Хоть он еще и сам не решил, что делать с этой нелепой явской девкой, но позволить местным тварям уродовать её он не собирался. На Марине не должно было появиться ни одной царапины.

Спустя четверть часа двери зала снова отворились. Глафира плыла к трону с царственной, неторопливой грациозностью, словно и не было недавнего позора в Подводных садах. Её изумрудный хвост плавно изгибался, длинные зеленые волосы шлейфом тянулись в воде, а на губах играла капризная, соблазнительная улыбка. Она была уверена в своей безнаказанности и своем очаровании.

Подплыв к постаменту, русалка кокетливо склонила голову, опустил пышные ресницы, и низко поклонилась, выставив напоказ тонкую бледную шею.

— Здравствуй, Володарушка, — пропела она, и её голос зазвучал как нежная музыка речных струн. — Какой же ты сегодня красивый, Хозяин... Сильный, величественный. Со всем забросил свою Глафиру, всё в кабинете сидишь, о делах Нави печешься. А я так скучала по твоим ясным очам...

Она ласково повела плечами, демонстрируя всё свое русалочье обаяние, и сделала вид, что в садах ничего примечательного не случилось. Ну подумаешь, припугнула человеческую поганку.

Володар молча поднялся с престола. Он медленно, шаг за шагом, сошел по перламутровым ступеням вниз. Его синие шелка плавно колыхались в воде. Водяной подошел к Глафире почти вплотную, вглядываясь в её огромные глаза без зрачков с пугающим, мертвым спокойствием. Русалка торжествующе улыбнулась, думая, что её чары снова сработали.

В следующее мгновение мир для неё перевернулся.

Володар резко, с быстротой атакующей щуки, выбросил руку вперед и намертво схватил Глафиру за бледное горло.

Русалка задушенно пискнула. От неожиданности и дикого страха её изумрудный хвост судорожно задрезжал, поднимая со дна облако мелкого песка. Пальцы Володара сжали её шею железными тисками. И в этот момент его маска безупречного человеческого красавца окончательно сполз-

ла. От закипевшей внутри злости на идеальном лице Водяного проступила крупная, темная чешуя. На шее, прямо над воротником кафтана, с влажным хрустом раскрылись багровые, хищные жабры, а глаза полностью затопила черная, бездонная омутная тьма. Он выглядел как истинный, первородный монстр Нави.

— Объяснений требую! — прорычал Володар, и от звука его голоса водяной купол зала затрещал. — Что вы, хвостатые твари, делали в моих личных садах? И по какой такой причине ты, Глафира, решила изувечить девку из Яви?!

Русалка в его хватке панически захлопала глазами, её бледные пальцы судорожно вцепились в его запястье, пытаюсь разжать смертельные тиски. От грозного вида Хозяина Омута вся её спесь испарилась, уступая место первобытному ужасу.

— Володарушка... пусти... — задыхаясь, запричитала она, пытаясь врать на ходу. — Напугал... больно же! Да та девка... она сама на меня налетела! Позарилась на тебя, Володарушка! Притворилась овечкой пугливой, дурочку из себя строит, а сама... Как увидела дары твои царские, палаты жемчужные, так совсем с ума сошла! Решила из тебя веревки вить, сухопутная пиявка! Я же... я же ради тебя, ради омута нашего её прогнать хотела!..

Глафира жалобно заскулила, надеясь разжалобить правителя, но Володар лишь презрительно сузил черные глаза. Вся её ложь была для него прозрачна, как родниковая вода.

— Дура хвостатая, — ледяным тоном произнес он.

Водяной с омерзением разжал пальцы и с силой отшвырнул русалку от себя, словно кучу тухлой придонной рыбы. Глафира отлетела назад, больно ударившись плавником о дубовую колонну, и сжалась на полу, тяжело и хрипло дыша, утирая слезы.

— Чтобы я тебя во дворце больше не видел, — отчеканил Володар, и на его лице постепенно начала исчезать чешуя, возвращая ему прежний человеческий облик. Жабры на шее с тихим шелестом закрылись. — Забирай своих девок и проваливайте на дальнюю реку. Сидите там на перекатах и носа в мой омут не суйте. Будешь мне нужна — сам приду. А к Марине приблизишься хоть на вершок — я твой хвост лично лешакам на веревки сдам. Пошла вон!

Глафира обиженно поджала губы, в её глазах мелькнула затаенная, жгучая злоба, смешанная со страхом. Она поняла, что проиграла этот бой окончательно. Резко взмахнув изумрудным плавником, русалка стремительно уплыла из зала, оставив после себя лишь горький запах болотной тины.

Володар тяжело опустился обратно на трон. Чешуя полностью сошла с его кожи, но внутри всё еще бушевал пожар. Его ледяное, веками замерзшее сердце снова глухо и болезненно заныло, словно требуя, чтобы он немедленно пошел и проверил, как там его пугливая сухопутная беда.

Проводив Глафиру, Володар так и не смог заставить себя вернуться к свиткам и государственным делам Черного ому-

та. Текст на озерных листьях расплывался перед глазами, а в голове упрямо крутились слова Чаруши: *«Сжалась в комок... изувечили бы девчонку...»*.

Хозяин Омута резко поднялся, одернул кафтан, на котором уже не осталось и следа яростной чешуи, и решительным шагом направился к жилому крылу терема. Он шел быстро, распугивая притаившихся по углам водяных чертенят. Внутри него боролись два абсолютно противоположных чувства: высокомерное желание доказать самому себе, что он просто контролирует порядок в своих владениях, и глухое, необъяснимое беспокойство за пугливую сухопутную гостью.

Перед ивовой дверью ракушечных покоев он на секунду замер. Стражники-сомы, заведев грозного правителя, вытянули свои длинные усы по струнке и едва ли не отсалютовали плавниками. Володар шумно выдохнул, напустил на себя максимально суровый и величественный вид и без стука толкнул дверь.

Марина сидела на краю постели-раковины. Обед, принесенный Чарушей, был почти съеден, а сама девушка выглядела уже не такой бледной, хотя в её больших глазах всё еще плескался затаенный испуг. Завидев вошедшего Водяного, она вздрогнула, выронила костяную вилку, которая с тихим звоном упала на поднос, и мгновенно вжала голову в плечи, судорожно теребя изумрудный подол сарафана.

— Ну... здравствуй, сухопутная, — Володар прошел вглубь комнаты и остановился в паре шагов от кровати, зало-

жив руки за спину. Высокий, статный, с безупречной осанкой — он выглядел как истинный царь, явившийся на проверку личной тюрьмы. — Я пришел проверить, как работают мои приказы. Вижу, Чаруша тебя накормила. И оберег мой, как мне доложили, пришелся весьма кстати.

Марина робко приподняла голову, прячась за прядями распущенных светлых волос. Кулон на её шее мягко отливал нефритом.

— Да... спасибо вам большое, — едва слышно пролепетала она, густо краснея от смущения. — Если бы не ваша... зеленая ракушка, та страшная девушка с хвостом точно бы меня... поцарапала. Извините, что из-за меня опять какие-то неприятности во дворце.

Володар недовольно хмыкнул, хотя в глубине души её кротость и эта вечная привычка за всё извиняться вызывали у него странную, непривычную теплоту. Ему захотелось сказать ей что-то ободряющее, сильное, показать, что под его защитой ей не страшна ни одна навья тварь. Он набрал в легкие побольше подводного воздуха, гордо выпятил грудь и величественно произнес:

— Не беспокойся, Марина, — Володар набрал в легкие побольше подводного воздуха, гордо выпятил грудь и величественно зашагал по комнате, заложив руки за спину. — Глафира больше не посмеет явиться в мой терем. Я устроил ей такой разнос, что её изумрудный хвост теперь до конца зимы будет дрожать на дальних перекатах! Моё слово в

Нави — закон. Никто, слышишь, никто не смеет трогать то, что принадлежит... то есть, находится в моем омуте! Так что можешь спать спокойно, сухопутная беда. Мой трезубец всегда на страже твоей... твоего... короче, твоей неприкосновенной тушки!

Водяной резко остановился, взмахнул рукой для пущего эффекта и, окончательно запутавшись в собственных мыслях, пафосно выдал:

— В общем, если кто к тебе сунется, я из них лично сушеную воблу на забор накручу! Хвосты поотрываю и на камыш наматаю! Жабрами наружу выверну и карасям скормлю! Понял ли ты меня, девица?! То есть... поняла?! Тьфу ты, Кошей тебя раздери, в общем, ты под моей защитой, женщина, и точка!

Володар резко замолчал, чувствуя, как его величественная и пафосная речь на исходе фразы превратилась в какую-то нелепую кашу из угроз, воблы и заборов. Он запнулся на полуслове, его вертикальные зрачки округлились от неожиданности, а сам он замер с глуповато приоткрытым ртом, осознав, какую несусветную дурь только что ляпнул перед этой девчонкой. Великий Хозяин Черного омуты, гроза рек и болот, выставил себя полным дураком.

Марина смотрела на него, широко распахнув глаза. И вдруг, представив, как статный красавец-царь картинно крутит хвосты русалкам и наматывает их на подводный забор, Марина не выдержала. Против своей воли, из-за нервного

перенапряжения и комичности момента, она коротко и звонко хихикнула.

Звук её смеха, похожий на перезвон маленьких хрустальных колокольчиков, эхом разнесся по ракушечной комнате.

Но уже в следующее мгновение Марина осознала, *над кемона* только что посмеялась. Навья бледность мгновенно вернулась на её лицо. Ужас сковал тело, и девушка в диком испуге мгновенно прикрыла рот обеими ладошками, вжимаясь в пуховые подушки и глядя на Водяного огромными, полными смертельного страха глазами. «*Всё, теперь он меня точно утопит!*» — пронеслась в её голове паническая мысль.

Володар мгновенно оскорбился. Его царское эго, веками взлелеянное беспрекословным подчинением подданных, было жестоко уязвлено. Какая-то сухопутная пиявка, не умеющая плавать, смеется ему в лицо! Он сурово сожал губы в узкую, бледную линию, его уши с легкой заостренностью сердито дернулись, а глаза опасно потемнели. Не произнося больше ни единого слова, Водяной круто повернулся на пятках, взметнув полы синего кафтана, и размашистым, яростным шагом вышел из её комнаты, с грохотом захлопнув ивовую дверь.

Пока он шел по длинному коридору, выложенному озерной галькой, внутри него бушевал настоящий шторм.

«*Да как она смеет?!*» — мысленно рычал Володар, сжимая кулаки так, что прозрачные перепонки натягались до

предела. — *«Над кем она потешается?! Над Хозяином Нави! Да я от нее кожи живой не оставлю! Я её в самый глубокий ил закрою, пушай там со слизнями шутки шутит! Девчонка неблагодарная!»*

Он прошагал еще десяток метров, тяжело дыша, но святая ярость правителя почему-то начала стремительно остывать, как нагретый камень, брошенный в ледяную воду. Шаг Водяного замедлился. Вспышка гнева ушла, оставляя место какому-то нелепому чувству неловкости.

«Хотя... надо же было ляпнуть такую дурь про воблу и забор», — уже мысленно ругал он сам себя, хватаясь ладоною за лоб. — *«Тюфяк мореный, Кощей тебя раздери! Распустил хвост перед девкой, красноречием решил блеснуть. На страже твоей тушки, намотаю на камыш... Тьфу, позорище подводное! Неудивительно, что она рассмеялась. Любой бы на её месте со смеху лопнул».*

Володар остановился посреди пустого коридора, уперся рукой в замшелую дубовую колонну и вдруг... сам не заметил, как на его лице проступила широкая, искренняя и какая-то совершенно мальчишеская улыбка. Перед глазами стояло её личико, спрятанное за ладошками, и этот чистый, звонкий хрустальный смех, который впервые за столетия нарушил мертвую тишину его терема. В Нави никто так не смеялся — искренне, без издевки или злого умысла.

И в этот самый миг где-то слева, под кафтана, снова больно и жгуче кольнуло. Но на этот раз боль была другой —

странной, сладкой, щемящей и удивительно приятной. Ледяной панцирь его сердца, веками казавшийся несокрушимым, дал огромную трещину, сквозь которую пробивалось живое человеческое тепло Марины.

Володар тут же испуганно стер улыбку с лица и сердито прижал руку к груди, чувствуя, как бешено и непривычно колотится его придонное сердце.

— Проклятье... — судорожно выдохнул он, поджимая губы и сердясь на это новое, пугающее и абсолютно чуждое ему чувство контроля. — Что за магия такая сухопутная? С ума она меня сведет, точно сведет...

С этими словами Водяной, уже не зная, радоваться ему или злиться, поспешил скрыться в своих покоях, унося в душе звонкий смех своей сухопутной беды.

Глава 5

На

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.